

ИНТЕРВЬЮ С Г.Б. КЛЕЙНЕРОМ

© Винокурова Н.А., 2026

Винокурова Наталья Анатольевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия;
vinokurova@yandex.ru

О родителях, школьных годах
и замечательном городе Иваново

Мои родители были типичными советскими интеллигентами средней полосы России. Отец, Борис Исаевич, — юрист, профессор Ивановского государственного университета. Мать, Алла Абрамовна, — врач-психиатр областной психиатрической больницы. Мой прадед по отцовской линии участвовал в Первой мировой войне и стал кавалером ордена Святого Георгия всех четырех степеней.

Я родился в замечательном русском городе Иваново. В Иваново, как мне кажется, жили лучшие люди Советского Союза. Придется похвастаться, потому что где еще расскажешь об этом? Других вариантов может и не случиться. Итак, в Иваново я окончил среднюю школу с золотой медалью, был победителем городских математических олимпиад в течение нескольких лет. Стало ясно, что дальнейший путь ведет в Москву, в МГУ имени М.В. Ломоносова.

В 1964 г. — в тот 1964 «удачный» для меня год — были отменены льготы для медалистов, так что для получения проходного балла мне пришлось сдавать все экзамены: по математическим, физическим и литературным дисциплинам.

В МГУ

Пять лет на мехмате прошли с очень большой нагрузкой, потому что учеба была далеко не простой. Проживая в общежитии — сначала на улице Дружбы, потом на Ленинских горах — я стал преодолевать барьеры, которые стояли на пути студентов, которые хотели стать математиками. Барьеры были достаточно высокими, нужно было овладевать достижениями высшей математики. Да и сейчас мне проще написать свою работу, чем изучать чужую. Тем не менее на четвертом курсе я стал победителем олимпиады среди студентов мехмата. Университет я окончил с красным дипломом.

Надо сказать, что в общежитии мне жилось нелегко, ужасно тосковал по дому, особенно в первые годы. С удовольствием на каникулы уезжал в Иваново. Тем более что мехмат, в отличие от многих

других факультетов, не обладал традициями крепкой студенческой дружбы. Были отдельные группы. В основном москвичи дружили между собой, хотя и у них дружба была относительной — они распадались на мелкие группки, которые между собой толком не общались. Только через десятки лет это было преодолено. На встречах сокурсников через 20–30 лет после выпуска проявилась любовь друг к другу, то есть к людям, которые отдали математике свою жизнь и тем самым стали в некотором смысле родными.

В Институте электронных управляющих
машин (ИНЭУМ)

После окончания мехмата я стал работать младшим научным сотрудником в Отделении экономических исследований Института электронных управляющих машин (ИНЭУМ). В то время это был очень известный Институт Министерства приборостроения, средств автоматизации и систем управления СССР. Институт имел достаточно высокий уровень: там было разработано несколько линеек отечественной вычислительной техники — и большие машины, мейнфреймы (М-4030), и средние машины (серия СМ ЭВМ), и малые машины (СМ-1300), которые, однако, не были персональными. Через некоторое время я стал заведующим лабораторией математических проблем отраслевой экономики. Именно там произошло мое первое знакомство с экономикой, деятельностью предприятий и взаимоотношениями между ними. Мы курировали всесоюзные промышленные объединения по производству вычислительной техники. Там я и приобрел свои практические знания о том, как устроена экономика на нижних уровнях народного хозяйства. Именно на предприятиях соединяются ресурсы труда, знаний, финансов, административные ресурсы и т.д. Из этих ингредиентов на предприятиях «варится суп» — выдается готовая продукция. В данном случае это были средства вычислительной техники — довольно сложные изделия, требующие огромного количества комплектующих, точных технологий и высокого уров-

ня интеллекта работников. Знать экономику — это значит знать не только сегодняшнюю и вчерашнюю экономику, но и завтрашнюю. Экономика вбирает в себя и труд, и капитал, и технологии, и спрос, и предложение. Работая в ИНЭУМе, я получил навыки системного мышления. Системное мышление предполагает анализ пространственной сферы и ее субъектов — предприятий-поставщиков, предприятий-потребителей и т.д. Не менее важен и анализ временной составляющей, то есть траектории из прошлого в будущее. Это сочетание пространственного и временного анализа и есть ядро той методологии, которую я использую и сейчас, потому что не вижу ей альтернативы. Можно забыть прошлое, можно закрыть глаза на будущее, можно обрезать круг взаимосвязей, но это не обойдется даром. Вы не получите правильных ответов, а еще точнее, вы даже не сможете поставить правильные вопросы. А ведь дело экономиста состоит в том, чтобы давать по возможности правильные ответы на правильно поставленные вопросы. В ИНЭУМе я проработал 20 лет до 1991 г. Тогда руководство Института, ослепленное перестроечными надеждами, решило, что в условиях перехода к рыночной экономике Отделение экономических исследований в Институте не нужно.

О судьбе Института электронных управляющих машин в годы перестройки

Директором Института был будущий академик АН СССР Борис Николаевич Наумов, пришедший туда из Института проблем управления (ИПУ) и перешагнувший при этом через несколько карьерных ступенек: от старшего научного сотрудника до директора Института. При его руководстве Институт стал разработчиком целого ряда новых машин, приборов и программных средств. Но в какой-то момент наверху было принято решение о том, что не следует нам разрабатывать свою вычислительную технику в условиях, когда вычислительной техники в мире более чем достаточно. Есть IBM, есть DEC, и вообще все есть. Я к этому решению относился и отношусь резко отрицательно, потому что мы и сейчас переживаем его последствия. Если мы строим экономику в расчете не на то, что мы можем производить, а на то, что мы можем купить, без оглядки на все остальное, это неправильно, это не системный подход.

Вот у нас был еще один пароксизм такого решения. Под влиянием идей Егора Тимуровича Гайдара руководство нашей страны решило поддерживать лишь высокодоходные отрасли, в частности отрасли топливно-энергетического комплекса, и не поддерживать новые развивающиеся отрасли. Предполагалось, что продукцию новых развивающихся отраслей можно импортировать.

Сейчас мы пожинаем плоды такой политики. Конечно, трудно было прогнозировать сложившуюся сегодня международную обстановку. Однако было совершенно ясно, что такая стратегия обуславливает ситуацию риска. Тем не менее было принято решение переключить Институт на решение задач адаптации иностранной техники. Следы этой адаптации уже затерялись — машины, которые мы создавали, не имеют своих потомков среди отечественных средств вычислительной техники. Эти машины остались только в истории. Их разработчики — сотрудники ИНЭУМа (очень талантливые люди) тоже не смогли найти применение своим талантам.

Так вот, возвращаясь к экономической стезе. Было решено ликвидировать Отделение экономических исследований, в состав которого входила моя лаборатория, несмотря на то, что мы находились на очень хорошем уровне. К тому времени я уже защитил в ЦЭМИ АН СССР докторскую диссертацию (1989 г.).

Как я пришел в ЦЭМИ

Еще работая в ИНЭУМе, я начал тесно сотрудничать с Эмилем Борисовичем Ершовым, Ефремом Залмановичем Майминасом, Вячеславом Ивановичем Данилиным, Кириллом Андреевичем Багриновским и др. К тому времени уже возникли связи с Алексеем Юрьевичем Шевяковым, одним из руководителей ЦЭМИ АН СССР. Отделение социально-экономического мониторинга, которое он возглавлял, вобрало в себя немало талантливых людей: Владимира Суреновича Дадаева, Александра Яковлевича Кируту, Инну Моисеевну Шнейдерман и др. Именно это Отделение стало местом моей работы на несколько лет. С Алексеем Юрьевичем Шевяковым я познакомился через Ефрема Залмановича Майминаса, с учеником которого Виталием Леонидовичем Тамбовцевым мы с 1980-х годов сотрудничали и написали книгу, которая до сих пор является одной из наиболее цитируемых в моем послужном списке. Она называется «Предприятие в нестабильной экономической среде: риски, стратегии, безопасность»¹.

Об идеях в моей докторской диссертации и их дальнейшем развитии

Диссертационный совет ЦЭМИ, в котором я защищался, возглавлял и возглавляет до сих пор академик РАН Валерий Леонидович Макаров. В состав Совета также входили Николай Прокофьевич

¹ Клейнер Г.Б., Тамбовцев В.Л., Качалов Р.М. (1997). Предприятие в нестабильной экономической среде: риски, стратегии, безопасность / под общ. ред. С.А. Панова. М.: Экономика. 288 с.

Федоренко, Кирилл Андреевич Багриновский, Ирина Павловна Шубкина, Евгений Григорьевич Гольштейн и другие основоположники нашего направления. Защищался я на материале отраслевой экономики с применением математических моделей и системного подхода. В диссертации я предложил целый ряд моделей, часть из которых были абсолютно новыми как для российской, так и для мировой экономики, в том числе были представлены принципиально новые виды производственных функций для предприятий, объединений и отраслей российской экономики. По большому счету в диссертации была разработана методология моделирования, которую я и сейчас исповедую, продвигаю и среди студентов, и среди сотрудников. Это системная методология, поддерживающая то, что сейчас называется «доказательным моделированием». В № 3 за 2023 г. журнала «Экономика и математические методы» опубликована моя статья², в которой я описываю историю и эволюцию ЦЭМИ как флага экономика-математического моделирования, в том числе излагаю свою концепцию доказательного моделирования, которое должно занять такую же нишу, как занимают, скажем, доказательная медицина или доказательная политика. Что является доказательным, а что нет — сложный методологический вопрос, на который я стараюсь дать ответ. Образно говоря, я хочу дать в руки модельеру удочку, с помощью которой он может вытащить из омута бытия пригодную к употреблению экономика-математическую модель.

Сейчас в этой сфере имеются определенные проблемы, особенно в последнее время, когда появился искусственный интеллект как модельер, который что-то делает внутри себя, пытаясь обучиться на разных примерах. Точно так же происходит экстраполяция кривой, строящейся по значениям в наблюдавшихся точках. Идет обучение по точкам: иногда сразу, иногда поочередно поступают значения точки. Строится кривая, которая более-менее отвечает значениям в этих точках. Такой метод и сейчас применяется в эконометрическом моделировании. Я уже в своих ранних работах пытался навести какой-то порядок в этом, потому что совершенно ясно, что объем информации, который заключен в моделируемом объекте — предприятии, стране или отрасли, несопоставим с объемом информации в этих точках, даже если это big data, и там этих точек огромное количество. Все равно за пределами этих данных остаются огромные массивы информации, которую мы частично знаем

как участники экономической деятельности, частично знаем просто как люди, интересующиеся экономикой, читающие литературу по экономике, по теории и т.д. Я хочу сказать, что в этой сфере имеются серьезные проблемы с методологией моделирования, и попытка разработать систему доказательного моделирования имеет целью прояснить эти методологические вопросы, сформулировать и зафиксировать ответы на них.

Искусственный интеллект — своего рода «черный ящик», который выдает ответы, не раскрывая способы их получения. Эту проблему «освещения» черных ящиков в методологии моделирования я и пытаюсь вести с того времени, когда занимался конкретной экономикой конкретной подотрасли, до сегодняшнего дня, когда продолжаю заниматься и конкретной экономикой, и общей методологией моделирования. Но только происходит это уже на основе опыта и открытий, которые сделаны в теоретической и методологической сфере.

Нынешний круг научных интересов, продолжение прошлого

Круг моих интересов сегодня довольно широк. Я публикую статьи по экономической теории, потому что это направление экономического анализа на основе общей теории систем и пространственно-временного исследования вылилось в целое направление, которое я и мои коллеги называем системной экономикой. Системная экономика — это и предмет исследований, и одновременно это целевая сфера, поскольку я хочу, чтобы наша экономика была системной. Так как экономика очень часто пересекается с политикой, это не так просто сделать, потому что разные политические тенденции, разные течения раздирают ее. В решениях, которые принимаются на уровне установок экономической политики, напрочь отсутствует последовательность. Сегодня мы так, завтра мы этак, послезавтра мы снова возвращаемся к старому. К сожалению, это имеет место и в сфере образования, и в сфере экономики. Я хочу, чтобы наша экономика, экономика России, великой страны с великим прошлым и великим будущим, была системной. Несистемная экономика тоже может существовать, но она не является эффективной, потому что несистемные решения обычно связаны с откатом, в смысле, с откатом рано или поздно от предыдущих позиций. На достижение системности направлено и то, что сейчас называется стратегическим планированием и стратегическим управлением. Это тоже попытка системного охвата объекта управления в его прошлом, настоящем и будущем. Я вижу эту системную концепцию как средство преодоления многих реальных проблем сегодняшней экономики на самых разных уровнях — и на уровне макроэконо-

² Клейнер Г.Б. (2023). Флагман экономика-математического и компьютерного моделирования: 60 лет в строю // Экономика и математические методы. Т. 59. № 3. С. 5–20. DOI: 10.31857/S042473880027042-5

мики, где соединяются процессы экономического роста, инвестирования, занятости, общих технологических процессов, и на уровне микроэкономики, где развиваются отдельные предприятия и их группы, и на уровне мезоэкономики.

В Отделении, которым я руковожу, мы изучаем все уровни — и системную работу предприятий, и системную работу отраслей и регионов, и макроэкономические проблемы. Изучаем также связи между этими уровнями. Это отдельная проблема, я сегодня ее в очередной раз обсуждал с коллегами. Наша экономика стала напоминать торт «Наполеон». Есть два вида такого торта: «мокрый», когда между коржами есть прослойки из крема и коржи представляют собой единое целое, и «сухой», когда коржи сами по себе, а прослойки нет. Так вот наша экономика — это «сухой» вариант, или, если хотите, этажерка, когда между плоскостями находится пустое пространство. Между уровнями управления у нас сейчас имеется огромный зазор из пустого пространства. Сегодня только был разговор о том, что Министерство, к которому мы принадлежим, обратилось с предложением к нашему руководству, чтобы наши сотрудники поменьше отвлекали сотрудников Министерства. Я думаю, что уровень взаимоотношений Института и Министерства и так весьма невысок по содержанию, но министерские работники считают, что и этот уровень слишком высок. Нужно сказать, что это часть общей ситуации, которую мы имеем в нашей экономике, — разрыв между плоскостями, относящимися к различным уровням управления и уровням экономики. Понятно, что такое уровни управления. А уровни экономики — это те самые микроэкономика, мезоэкономика и макроэкономика. Есть еще мегаэкономика. Это международное взаимодействие. Сейчас между уровнями макроэкономики и мегаэкономики тоже пролегли пустоты. Ясно, что мировую экономику просто не переделаешь, а вот экономику внутри страны, мне кажется, надо концентрировать, уплотнять, дефрагментировать, усиливать связи между различными подразделениями экономики, все это доводить до нижних уровней. Сейчас экономика фрагментирована. Один разрез — вертикальный — я вам показал. Кроме того, есть разная фрагментация и по отраслевому разрезу, и по региональному разрезу, когда регионы стали обособливаться. Не чувствуется «плечо» регионов, когда они, даже находясь рядом, на самом деле занимают конкурентные позиции. Они борются за ресурсы, за госзаказы и дотации, за трудовые ресурсы и т.д. Это тенденция, которая пошла со времени уже упоминавшегося Е.Т. Гайдара и согласно которой конкуренция — единственный двигатель экономики. По его логике, если бы не было конкуренции, все производители

стали бы задира́ть цены и померли бы. А что им мешает задира́ть цены? Конкуренция! Я считаю, что это неправильно. Ценообразование — сложный процесс. Да, конкуренция играет роль, наличие соперников и конкурентов важно. Но не только конкуренция. Ясно же, что цены не из воздуха рождаются, они в конечном счете должны балансировать спрос и предложение. Это означает, что конкуренция не является единственным способом регулирования цен. С другой стороны, есть кооперация, которая тоже имеет свои минусы, и мы их прекрасно знаем, когда из-за кооперации возникают сговоры, попытки монополизации и т.д. Это тоже нехорошо. А где же хорошо? А хорошо там, где есть баланс между конкуренцией и кооперацией. И поиск этого баланса можно считать одной из основных задач экономической науки, прежде всего в теоретическом плане. Как это измерять, как это регулировать, какими средствами? Здесь я солидарен с работами Виктора Мееровича Полтеровича, который очень убедительно показывает издержки конкуренции и достоинства поведения, которое он называет коллаборативным. Я этим начал заниматься около 15 лет назад, и у меня есть системная теория, в которой конкуренция и кооперация занимают лишь определенные позиции в общем спектре. Кооперация как форма взаимодействия предприятий начинается с буквального слияния, когда два или более предприятий объединяются в одно (это можно рассматривать как высшую степень кооперации), и может включать различные уровни сотрудничества — от активного объединения ресурсов до полного отсутствия взаимодействия. Между этими позициями существует много промежуточных вариантов — копродукция, коэволюция и т.п. В общем в этой пирамиде у меня было восемь различных позиций. Как и в других случаях, я пытался подходить системно.

О серии монографий «Мезоэкономика»

Мое Отделение недавно опубликовало третью монографию в серии «Мезоэкономика». Деятельность в этой сфере мы начали в 2000 г.; в 2001 г. вышла первая книга в серии «Мезоэкономика» под названием «Мезоэкономика переходного периода». Период начала 2000-х годов был связан с переходным периодом в отечественной экономике, и нам хотелось понять, какую роль в этом периоде играет средняя часть экономики. Не буду подробно об этом говорить, но в моей идеологии середина важнее и начала, и конца. Из середины растут ростки будущего, и середина аккумулирует в себе движение прошлого. В этой середине, которая в общем достаточно разнообразна, многообразна, мы должны разглядеть и ростки будущего, и идентичность системы, включающей в себя прошлое.

Мезоэкономика, на мой взгляд, — это прекрасная сфера приложения для системной экономической теории и системной экономической методологии. Через 10 лет, в 2011 г., вышла вторая книга в этой серии под названием «Мезоэкономика развития», поскольку тогда страна находилась именно на таком этапе движения экономики. Наконец в 2022 г., спустя еще 10 лет, была издана третья книга «Мезоэкономика России: стратегия разбега». Я рассматриваю это время как разбег. Разбег — это, возможно, и некоторый отход назад, и видение будущего, и наличие энергии, позволяющей после разбега перейти в следующее состояние, которое лучше предыдущего.

О некоторых уникальных людях, с которыми довелось работать в ЦЭМИ

С самого образования Института сложилось уникальное соединение уникальных людей — математиков и экономистов. Тут работали крупнейшие математики, такие как Г.М. Хенкин, Б.С. Митягин, Е.Б. Дынкин и др. А.С. Немировский — уже из следующего поколения. И сейчас работает Владимир Иванович Данилов, один из крупных математиков. В институт пришли также люди, которые знали конкретную экономику, и люди, которые знали все: и то, и другое, и третье.

Не обижая остальных профессионалов в своих областях, скажу, что мне ближе всего был Эмиль Борисович Ершов, поскольку мы с ним сотрудничали задолго до моего прихода в ЦЭМИ. Он редактировал мою книгу по производственным функциям³. Встретились мы очень давно на одной из первых Шаталинских конференций в конце 1970-х годов. Я там делал доклад по новым видам производственных функций. Эмиль Борисович имел счастье (или несчастье?) для меня (для него?) спросить: «А что Вы вообще понимаете под производственной функцией: математическую зависимость $y = f(x)$?». Я задумался, потому что мое понимание было достаточно поверхностным. Оно основывалось на тех работах, которые я читал в то время, в основном зарубежных, хотя и у нас уже были работы интересные. Но там этому вопросу почти не уделялось внимания. Что такое производственная функция? Производственной функцией называется зависимость объема выпуска от объема факторов. Что это нам говорит? Да почти ничего. С тех пор я начал разрабатывать теорию производственных функций по такому провокационному, на мой взгляд, вопросу Эмиля Борисовича. Но с ним я консультировался и сотрудничал. Так вот, Эмиль Борисович знал все: он знал эконо-

метрику, оптимизационные методы, реальную экономику и все-все-все. Припоминаю одну очень яркую историю. Когда формировалась программа перестройки, обдумывалось, что, собственно, нужно сделать, это широко обсуждалось. Некоторые видные экономисты говорили по поводу предприятий: «Да вы оставьте предприятия в покое, дайте им спокойно развиваться. Тогда, сбросив путы, они смогут развернуться, и товары польются полным потоком». А Эмиль Борисович сказал: «Да, конечно, это хорошо, но в нашей экономике нет важного условия, без которого это произойти не может», что поставило в тупик многих экономистов. Чего же у нас такого нет? Планирования? Да мы сто очков вперед дадим другим по планированию. Ершов сказал: «У нас нет фондового рынка...». Сейчас это уже выглядит тривиально, но тогда это прозвучало очень громко.

Виктора Ивановича Данилова-Данильяна я знаю много десятков лет. Человек с необычайно четким мышлением, широчайшим объемом знаний во всех областях: и в технической (имею в виду модельно-математической), и в реальной экономике.

Эдуард Филаретович Баранов, курировавший журнал «Экономика и математические методы». Правда, с ним я меньше взаимодействовал — только в какие-то годы.

В общем это были корифеи, творчество и жизнь которых оказали на меня колоссальное влияние.

Здесь уместно сказать и о ныне работающих корифеях, таких как Валерий Леонидович Макаров, человек совершенно незаурядного таланта и оригинальности мышления, тоже прекрасно ориентирующийся во всех слоях нашего экономико-математического направления. Валерий Леонидович внес колоссальный вклад в развитие отечественной экономической науки. Я помню его работы 1970-х и 1980-х годов, связанные с развитием автоматизированных систем управления, в том числе персональных. Потом были работы в сфере эволюционной экономики, он написал несколько статей на эту тему. Затем были работы в области экономики знаний. Тему экономики знаний именно Макаров принес в нашу отечественную экономическую науку. Тема не была оригинальной, ею давно занимались на Западе, но ростки ее развития в России — это заслуга Валерия Леонидовича. Наконец искусственные общества и агент-ориентированные модели, то есть модели, в которых содержатся попытки отразить все уровни экономики — и микро-, и мезо-, и макро-. Это то, чем у нас сейчас занимаются директор Института, член-корреспондент РАН Альберт Рауфович Бахтизин и целое подразделение.

В самые последние годы на меня колоссальное впечатление произвели работы Валерия Леони-

³ Клейнер Г.Б. (1986). Производственные функции: теория, методы, применение. М.: Финансы и статистика. 238 с.

довича по моделированию духовной сферы жизни человека и ее взаимодействия с материальной сферой. Это пионерные работы, которые могут изменить вектор движения экономической науки. Может быть, я что-то упустил, но уже того, что я перечислил, достаточно для понимания масштаба личности ученого.

Виктор Меерович Полтерович. Человек исключительно мощного мыслительного аппарата, который позволил Виктору Мееровичу решить целый ряд математических, модельных и концептуальных задач. Его результаты, касающиеся исследования равновесия в системах с максимизирующих агентами при свободных ценах, фиксированных ценах, двухуровневых ценах, относятся к работам мирового уровня. Впоследствии Полтерович перешел от неоклассики на позиции институционализма, точнее, неоинституционализма. Им получены глубокие результаты по теории социально-экономических реформ в России. Виктор Меерович и сейчас ведет широкие исследования в части институциональной структуры экономики, в том числе связанные с институтами конкуренции и коллаборации.

Не могу не упомянуть Вениамина Наумовича Лившица, энциклопедического человека, который тоже знает все и открыл множество новых направлений в методологии анализа и синтеза инвестиционных проектов.

О смене поколений в науке, о будущем науки

Рассмотрим этот вопрос на примере нашей alma mater — ЦЭМИ. Сейчас происходит смена поколений. К сожалению, более молодое поколение, как обычно в жизни всех эпох, имеет значительно более прагматический цели, чем исследования в интересах науки.

Работы, которые вел и сейчас ведет ЦЭМИ как интегральный институт, охватывают все уровни и подразделения экономики, все направления моделирования и методологии. Мы стараемся передать эти знания молодому поколению ЦЭМИ. Но молодежь, которая приходит в Институт, далеко не всегда стремится овладеть этим замечательным арсеналом. Фундаментальные проблемы часто ускользают из сферы интересов молодых людей, идущих по прагматическому пути наименьшего сопротивления. Если мы будем делать только компьютерные программы или строить модели без поддержки теории и методологии, это будет колосс на глиняных ногах или вообще без оных.

Если говорить о будущем, то следует подчеркнуть, что преемственность в науке абсолютно необходима, в том числе передача молодежи знаний, мировоззрения, нравственных основ от корифеев, которых я упоминал.

В настоящее время вопросы взаимосвязи этики и экономики во всем мире выходят на первый план. В 2009 г. в моем переводе была опубликована книга Фрэнка Хайнемана Найта «Этика конкуренции». Экономика, которая создает новые продукты, услуги, товары, строит новые здания и т.д., — это чрезвычайно важная основа жизни. Но этика, которая определяет взаимоотношения между участниками экономической деятельности, их целевые ориентиры, не должна оставаться в стороне. Мне запомнилась метафора из этой книги про день и ночь. День — это время созидания. Что мы делаем днем? Пишем статьи, читаем лекции, создаем, разрабатываем модели. Что мы делаем ночью? Ночью мы ничего не делаем, но работает наш мозг, который пытается согласовать действия различных органов, что-то подправить, что-то улучшить и т.д. День без ночи не может существовать. Этика, которая выравнивает, выстраивает отношения между участниками экономической деятельности, так же необходима для экономики, как ночь необходима для правильного течения суток. Учет этого этического компонента должен идти изнутри.

Что я ожидал бы от нас как от представителей старшего поколения? Опытные люди, которые богаты не только мудростью, знаниями, навыками, но и пониманием сущности экономических явлений, должны стараться передать это молодым. Эта задача стоит перед ЦЭМИ, перед системой образования и науки, перед экономикой России в целом. Многие нынешние проблемы связаны именно с падением нравственности и с переориентированием людей на другие ценности. Такова была установка перестроечных лет: «Обогащайтесь, ваш успех — это единственная цель, к которой вы должны идти, невзирая ни на что». Какая уж там нравственность... Но, разберемся: о чем успехе речь? Первый вариант — мой личный; второй вариант — меня и моей семьи, детей и внуков; третий вариант — меня и моих коллег; четвертый вариант — меня и моего родного Института и т.д. Когда вы системно подходите к этому вопросу, то у вас вырисовывается правильная картина. Но несистемное мышление, несистемное мировоззрение, доминировавшие во времена перестройки, принципиально ориентировали на успех для себя лично. Ссылались обычно на Адама Смита, который считал, что если у тебя все хорошо, то и в целом все будет хорошо. Эта установка на индивидуальный успех, к сожалению, и сейчас процветает и в высших слоях управления нашей страной, и в мировоззрении молодежи. Студенты уже пронизаны этими идеями личного успеха и т.п., но можно их наспиговать чем-то другим, можно переориентировать. ЦЭМИ мог бы сыграть особую роль в продвижении системной идеологии и системной экономической

политики. Но они должны при этом видеть перед собой людей, с которыми можно «делать жизнь». Я уже назвал целый ряд таких людей, могу назвать еще многих. Если бы им удалось высветить свои качества представителей системной нравственной экономики, и если бы дети видели, что эти люди счастливы, то есть что они занимаются своим делом, пользуются уважением, имеют достойный уровень жизни, тогда все было бы хорошо. В этой связи у меня вызывает восхищение активная деятельность Альберта Рауфовича Бахтизина по привлечению молодых кадров в состав ЦЭМИ. Под его руководством сформировалась плодотворная группа молодых исследователей, успешных завоевать себе имя в самых современных направлениях компьютерно-математического моделирования. Это позволяет с оптимизмом смотреть в будущее ЦЭМИ РАН.

Об отсутствии в России «главного экономиста» и о совершенствовании управления экономикой

Это наша болевая точка. Одна из главных проблем нашей экономики (и других сфер тоже, но экономики в особенности остро) — отсутствие в стране фигуры главного экономиста. У нас даже нет советника Президента по экономике. Есть помощник Президента, но это другое. Последним советником был Андрей Илларионов, который давно уехал из страны. Советником президента был Сергей Юрьевич Глазьев, но он был советником по другим вопросам — по интеграции. Необходимо формирование специализированных органов развития экономики. Виктор Меерович Полтерович говорит о необходимости создания агентств развития в разных регионах. Но агентства по развитию экономики России у нас нет. Есть Министерство экономического развития, но его функции иные. В стране нет органов, которые отвечают за раз-

витие отраслей. Кто занимается развитием фармацевтической отрасли? Бессмысленно говорить, какую важность она имеет. Пять человек в министерстве, департамент какой-то и все. Персональной ответственности нет. В общем здесь огромная сфера для совершенствования управления экономикой на всех уровнях. Я много писал о необходимости реорганизации управления на уровне предприятий, на уровне мезоэкономики вплоть до создания нового типа мезоэкономических организаций, которые не являлись бы предприятиями по Гражданскому кодексу и не являлись бы органами управления в составе министерств. Должна быть некая интегрирующая организация, которая вбирает в себя установки, идущие сверху, и импульсы, идущие снизу. В общем это часть мезоэкономической теории, которая развивается у нас в Институте.

Об интересах вне науки, о культуре

Образование я тоже присоединяю к науке. Мои интересы соответственно лежат в этой сфере. А интересы вне этой сферы связаны с музыкой и чтением. Я, несмотря на то, что мое зрение не позволяет много читать, тем не менее знакомлюсь с последними изданиями, книгами, в основном в аудиоформате. К сожалению, редко сейчас хожу на концерты, надо будет усилить это направление. Когда-то я сам занимался музыкой, композицией, сейчас уже нет. Музыке учился еще в Иванове, в Москве уже не учился. У меня были друзья-композиторы, чью дружбу я пронес с самого детства. К сожалению, недавно скончался мой друг, композитор Игорь Голубев, и мои связи с музыкой в значительной мере ослабли.

Тем не менее окружающий мир бесконечно широк, разнообразен и интересен, а экономика вкупе с математикой отражают самые замечательные черты этого мира. Он прекрасен!